8 МАР 1979
СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

АЛИСА ИЗ СТРАНЫ «ТЕАТР»

Праздничный гость «Смены» — народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского Алиса ФРЕЙНДЛИХ

МНОГО ЛИ в мире актеров, «на которых» люди идут в театр! Наверное, не слишком. А «на Фрейндлих» идут, даже специально приезжают из других городов. И если человеку посчастливилось достать билет на ее спектакль, сидит потом завороженный, внемля каждому слову актрисы, даже каждой ее паузе, потому что Алиса Бруновна обладает удивительной способностью обращать свое творчество не ко всему зрительному залу, а, кажется персонально к тебе, к одному тебе.

Я тоже принадлежу к тем, кто давно и постоянно приходит в Театр имени Ленсовета, «на Фрейндлих». А несколько дней назад наведался в дом на Владимирском проспекте, чтобы поближе познакомить с восхитительной актрисой читателей «Смены».

— Алиса Бруновна, хотя вы прежде всего актриса театральная, на этот раз давайте начнем разговор все-таки с кино. Потому что, по мнению очень многих театральных зрителей, вам недавно наконец-то повезло и в кинематографе: наконец-то актриса Фрейндлих получила на экране роль, в которой ей было что делать! Вы разделяете такое мнение о своей работе в «Служебном романе»!

— Тут, наверное, надо разделить удовлетворение самим процессом работы над фильмом и результатом. Естественно, то, что мне впервые была доверена большая серьезная роль на хорошей киностудии, у режиссера, которого я очень ценю, — конечно, все это очень приятно. Роль Калугиной была интересна мне прежде всего потому, что заключала в себе некоторое превращение, метаморфозу, это я вообще ценю в любых ролях — и на экране, и в театре. Так что с творческой стороны работа в «Служебном романе» бесконечно удовлетворяла. Что же касается конечного результата — судить не мне. Во всяком случае писем от зрителей сейчас получаю много, пожалуй, ни одна моя прежняя работа не имела такого количества откликов, такой волны зрительских симпатий. Конечно, это приятно, ведь театр подобной популярности актеру не обеспечивает.

— Снявшись в кино, актеры часто утверждают, что смотреть им на себя на экране не очень-то приятно, что, если б было возможно, все сыграли бы совсем иначе... А с каким чувством смотрели на сей раз на себя, «экранную», вы!

— Изобразительно я от себя отнюдь не в восторге, и тут нет никакого кокетства. С каким чувством смотрела на себя «экранную»? В первых трех четвертях картины, до волшебного «превращения» моей героини, воспринимала себя довольно мучительно, хотя и этот мой облик мне тоже хорошо знаком: когда утром смотрюсь в зеркало, то вижу обычно то, что у нас, актеров, называется «не побывала в проявителе», и удовольствия от этого, естественно, испытываю мало.

Теперь по поводу сетований актеров насчет того, что «можно было бы сыграть иначе»... Конечно, чувство легкой досады оттого, что уже ничего не изменить присутствует и у меня. Потому что театральная работа — подвижная, она всегда может допустить какие-то изменения, и чисто человеческий жизненный опыт актера, который появляется с годами, вносит в роль, в спектакль какие-то коррективы. Так что до известной поры спектакль — материал гибкий. В кино же, увы, ничего не поделаешь: что сыграно, то сыграно, и поэтому чувство досады, повторяю, существует.

— Вернемся к театру. Диапазон ваших ролей порой ошеломляет: от Марии-Антуанетты до Малыша, который дружит с Карлсоном, от Джульетты до Уриэля Акосты... Складывается впечатление, что вы можете играть абсолютно все. И если отбросить «дипломатию»: у вас самой есть подобное ощущение! Вы сами к этому стремитесь!

— У меня такого ощущения нет. Как ни странно, существует целый ряд ролей, казалось бы, почти впрямую для моей индивидуальности, а я вот чувствую: не смогу, не выйдет... Все, наверное, зависит от какой-то внутренней предпосылки. Конечно, мне, как и всякому актеру, хотелось бы в ролях максимального разнообразия, во всяком случае всегда к этому стремилась, но вот «спортивного» желания сыграть «все» — нет, не испытываю.

— А насколько сложно (чисто по человечески) сегодня играть, допустим, судью Ковалеву, а завтра — Марию-Антуанетту! Если даже помогает актерский тренаж, то ведь все равно в себе надо что-то преодолеть, потому что никак не верится, что к разным ролям вы подходите просто с холодным, отточенным умением.

— Видимо, какой-то подсознательный настрой перед спектаклем существует. Наверное, перед встречей с Ковалевой я пребываю в одном эмоциональном градусе, а перед Малышом — в другом. Но специально к спектаклю не готовлюсь, от родных и посторонних не запираюсь, на телефонные звонки тоже отвечаю...

— Вероятно, вам для себя трудно выделить какую-то из своих работ особо, но все-таки: есть ли спектакль или спектакли, встречи с которыми для вас — всегда праздник!

— Прежде всего замечу, что есть роли очень дорогие, но одновременно и очень трудные — и физически, и эмоционально. И несмотря на то, что я эти спектакли люблю, все равно заранее отчаянно переживаю, иногда даже проскальзывает этакая «студенческая» мысль (как, знаете, перед экзаменом): «Хоть бы не состоялся!» Такой ролью, например, всегда была арбузовская Таня — в день спектакля каждый раз портилось настроение. Подобное же состояние постоянно и перед «Дульсинеей Тобосской». Спектакль «Люди и страсти» тоже очень люблю, но когда кончается первый акт, который требует огромнейшего эмоционального напряжения, испытываю просто блаженство: самое трудное позади!.. А есть роли совсем другие — легкие. Например, обожаю играть в спектакле «Двери хлопают»— эта изящная комедия вовсе не связана с большими душевными затратами...

— Вам не кажется, что крупных женских ролей, которые бы этих значительных эмоциональных затрат требовали, в театре меньше, чем мужских!

— Да, женская часть труппы обычно испытывает больший творческий голод. Пьесы вообще почему-то населены в основном мужчинами. Не знаю уж, сознательно так поступают драматурги или бессознательно, хотя вот Володин, например, женскую природу знает, пожалуй, как свою собственную...

— Что же, по вашему, актрисе необходимо (естественно, при наличии таланта) для того, чтобы утвердить себя в искусстве, проявить свою личность в полной мере!

— Думаю, что тут актерскую профессию отделять от других профессий не нужно. Талант всегда непременно должен быть помножен на работоспособность и еще — на способность мыслить. Однако почему мужчины опережают нас и в других профессиях? Наверное, потому, что женщина, имея дополнительную сферу своего применения (семья, дети, быт и так далее), несет на себе огромную нагрузку. В театре это проявляется особенно. Я знаю, что среди оканчивающих наш театральный институт талантливых девчат ничуть не меньше, чем парней, но семья, дети, быт постоянно уводят многих представительниц прекрасного пола в сторону, и женщина теряет личностную остроту восприятия, из-за чего перестает быть актрисой. В театре делить себя нельзя, театр требует от человека полной отдачи, без остатка. Так, впрочем, и в любом виде творчества.

— Вы упомянули про талант. Что же это такое — талант — по-вашему!

— Понятие таланта я отождествляю с понятием интуиции. Наверное, этим он не исчерпывается, он много шире, но тем не менее интуиция в этом деле значит многое.

— Кстати, об интуиции. Вы ведь никогда не были в Польше. Откуда тогда в вашей Гелене из «Варшавской мелодии» этот «польский» шарм, эти очень «польские» интонации!

— Просто попросила одну студентку-польку прочитать мне всю пьесу вслух и потом «собезьянничала».

— Когда на вас смотришь из зрительного зала, часто забываешь о всякой театральной условности. Допустим, когда у вашей Ковалевой на глазах слезы, то я как зритель ощущаю, что это ваши слезы, что это не столько искусство актера, сколько ваша собственная боль и ваше собственное сердце. Если в своих предположениях я прав, то откуда актрисе брать силы на каждый новый такой вечер!

— У Уайлдера в «Дне восьмом» есть фраза: «Только тот, кто страдал, способен умудриться душой». Я знаю актрис, которые в состоянии плакать на сцене горючими слезами, но зрителей это не трогает, и, наоборот, есть такие, которые никогда не проронят ни единой слезинки, — и тем не менее зал от их игры цепенеет. Вот, например, Доронина, про которую я четко знала, что на сцене она никогда не заплачет, всегда меня безумно трогала, потому что эмоционально то, что она делала, было очень убедительно...

Мне думается, что актер на сцене в любом случае может пользоваться только какими-то своими, личными болями, независимо от их масштабов. Он должен уметь разбудить в себе ту болевую точку, которая соответствует болевой точке роли... Сколько на моей памяти не состоялось талантливых людей только потому, что жизнь сложилась у них слишком благополучно, слишком ладно — и люди утратили вот эти «болевые точки». Просто поневоле утратили, а не потому, что они себя сознательно защищали от каких-то внешних «бурь» и при этом, так сказать, «обросли жиром». Поэтому убеждена: счастлива судьба актера, у которого жизнь не ровная, имеет свои «ухабы», свои падения и взлеты. Чем больше актер испытал всю разность человеческих состояний, чем больше в его судьбе разных «ухабов», тем она богаче.

— О том, как вы своей игрой способны действовать на зрителей, известно. А сами вы чувствительны! Например, в кино плачете!

— Еще как реву — и в кино, и над книгой...

— Особую краску во многие ваши работы вносит песня. Песня в роли — это случайность или то, что вам тоже очень нужно!

— Я с детства обожаю петь, всю жизнь любила музыку, которую вообще считаю высочайшим из всех искусств. Поэтому пристрастие нашего театра к музыкальным спектаклям мне очень дорого, и я не понимаю случающейся еще иногда ругательной тенденции в адрес мюзиклов. Ведь если музыка в спектакле — не «просто так», не для развлечения, а для наивысшего выражения мысли и эмоций, то это очень полезно и хорошо.

— Вам никогда не хотелось выступить с песнями на эстраде!

— Всякого рода дилетантизм — вещь опасная.

— Позвольте, разве вы в песне дилетантка!

— Конечно. Даже в кино считаю себя дилетанткой. Потому что не может быть у человека нескольких страстей. Страсть должна быть только одна, а остальные — так, около... И если у меня есть страсть — театр (а я уже поняла, что это основная и единственная моя страсть), то все остальное составляет просто дополнительные интересы, любопытство, и только в той мере, в какой это так или иначе переплетается с театром. Поэтому и в кино не перестаю быть театральной актрисой, и меня мучает, мне очень мешает, что не могу выстроить роль из-за непоследовательности съемок...

Если же когда-нибудь затеяла бы петь на эстраде, то, наверное, и в это тоже внесла бы театр. Вот Алла Пугачева мне кажется в пении образцом именно актрисы: каждая песня у нее — это маленькая пьеска, маленькая роль. Зато могу услышать, например, двенадцать песен в исполнении Софии Ротару, и ни одна не будет отличаться от другой...

— А что вам хочется петь дома, одной! Что вы пели своей дочке, когда она была маленькой!

— Бедная моя дочка — она почти ни одной песни от меня не слышала... Песни приходят в зависимости от настроя, но есть и такие, что дороги мне всегда. Фильм «Два бойца» я, помню, смотрела чуть ли не сорок раз, и песня «Темная ночь» на всю жизнь осталась одной из самых драгоценных. Таких примеров много. Все дело в том, попадет ли песня в какое-то больное местечко или не попадет...

— Как вы считаете, ваша Варя пойдет по маминым стопам!

— Театр она любит, но пока хочет быть врачом. Пусть определится сама. И если у нее обнаружатся актерские данные и талант, то, ради бога, препятствовать не стану. Но коли таковых не будет, приложу все силы, чтобы она этого не делала. Потому что лучше быть хорошим врачом, чем плохой актрисой.

— Давайте представим, что у вас совсем свободный день и даже никакой корреспондент не тревожит, — чем тогда займетесь!

— Так никогда не бывает. Если же вдруг выпадает свободный вечер или даже целый день, то пишу длинный список дел, которые должна была сделать за неделю в городе и не сделала, а потом тупо смотрю на этот список... Вся надежда, что вот научусь водить автомашину и тогда буду успевать. К сожалению, пока что очень много пропускаю занятий на курсах, не знаю, как сдам экзамены...

— На какую свою премьеру вы в скором будущем пригласите друзей!

— На премьеру я обычно никогда никого не приглашаю: вдруг неудача? Лучше уж потом... А вообще готовим «Вишневый сад», где мне поручена роль Раневской. Первая моя встреча с Чеховым в театре.

— А в кино!

— Сейчас у меня лежат шесть сценариев, но, думаю, что театр даст возможность воспользоваться лишь одним, и, наверное, это будет «Старомодная комедия» Арбузова. Хотя и немножко страшновато бросаться в такой возраст (ведь моей героине за шестьдесят), но какая блестящая пьеса, и сценарий блестящий тоже!

— Пьеса-то ведь на двоих! Кто же ваш партнер!

— Игорь Петрович Владимиров.

— Алиса Бруновна, вы счастливы!

— И да, и нет...

ПОМНЮ ОДИН из самых-самых ранних ее спектаклей... Задумалась за столом молоденькая девушка, задумалась и напевает: «Сидели два медведя на ветке зеленой. Один сидел, как СЛЕДЫВАИТ, другой болтал ногой...» Вроде бы чепуховая песенка! Но мы в зрительном зале не могли шелохнуться, потому что ощущали каждой клеткой трудный внутренний монолог героини Алисы Фрейндлих... И вот теперь, спустя почти два десятка лет, когда актриса играет совсем другие роли, мы снова и снова оказываемся в плену ее волшебного гипноза, и снова волнение перехватывает горло, и хочется быть лучше, чище... Спасибо чудесной Алисе из страны по имени «Театр» за это светлое чувство!

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото автора